

ТЕМА 3 Психология масс в истории развития человечества

Философы давно утверждают путь развития человечества — это путь выделения и обособления отдельного человека. Вначале человек выделяется из природы, затем — из массы себе подобных. Изначально, в стае обезьян или в стаде неандертальцев, на дереве или в пещере, человек всегда существовал лишь как массовый человек. И только обретая отдельное, индивидуальное сознание, он становился человеком -индивидом. Однако малейшие «сбои» в функционировании этого сознания вели к возвращению массовых форм поведения. Причем в силу неравномерности исторического и особенно психологического развития разных наций и народов у разных общностей это происходило и происходит по разному. В целом, формирование индивидуального сознания наиболее ярко происходило у европейского человека. У остальных представителей человеческого рода, как мы увидим дальше, в силу замедленности развития рационального сознания действуют иные психические феномены, отличающиеся более выраженной массовостью.

1. Происхождение сознания

Появление и развитие сознания носило безусловно адаптивный, вынужденный при - способительный характер. Особую роль в этом процессе играли изменения климата нашей планеты, связанные с ледниковыми периодами, осложнявшими весь комплекс условий жизни первобытных людей. Изменение условий существования требовало закрепления первичных навыков выживания. Ужесточившийся климат требовал по - исков искусственных источников тепла для приготовления пищи (особенно в связи с переходом от исчезавшей растительной пищи к пище животной) и защиты от холода. Известные археологические находки разделяют два основных типа первобытных людей: австралопитеков типа А (австралопитекус аф риканус) и типа Р (австралопитекус робостус). Тип А был маленьким, хрупким, всеядным, тип Р — большим и мощным вегетарианцем. Тип А жил на сравнительно голодных и холодных равнинах, тип Р — в обладавшем сочной растительностью первобытном лесу.

В итоге тип А оказался прародителем Homo habilis, «человека умелого», предка кроманьонца — наиболее близкого предка современного человека. «На основании многочисленных находок, а также изучения региональных географических и климатических условий жизни австралопитеков типа А можно прийти к выводу, что именно этот тип был вынужден совершенствовать свое знание об окружающей среде, используя все предоставлявшиеся ему возможности и средства. Изготовление орудий является наиболее концентрированным выражением этих знаний» (Клике, 1983).

В отличие от типа А, представители типа Р не испытывали в первобытном лесу давления жесткого естественного отбора. Достаточная обеспеченность пропитанием и защита леса не требовали от него выработки тех технических приемов для поиска пищи и борьбы за выживание. На местах находок его костей никогда не обнаруживались орудия. В результате более мощный тип Р вымер примерно 500 тыс. лет назад, частично став добычей представителей типа А. «Те австралопитеки, которые более удобно расположились в лесу, выбрав его постоянной средой своего обитания, сошли с пути к Homo sapiens. Такова была цена за удобства» (Клике, 1983).

По мнению многих исследователей, скудность жизненных условий у особей типа А стала причиной постоянных стрессовых состояний, частой неудовлетворенности основных биологических потребностей. Это предопределяло их постоянную вынужденную мобилизацию и необходимость совершенствования тех процессов человеческой организации, которые устраняли состояния голода и страха, способствовали пропитанию и безопасности стада в целом и отдельных особей в частности. Это требовало способности к научению и развивало ее. «Колебания между нуждой и удо -

влетворением потребностей, постоянным страхом и вновь достигнутой безопасностью создали вместе с тем эмоционально-аффективный фон, который сыграл важную роль с точки зрения исторического развития» (Клике, 1983).

Таковы были геоклиматические предпосылки возникновения сознания.

Из биологических предпосылок, безусловно, надо особенно подчеркнуть наличие у высших приматов, эволюционных предшественников человека, достаточно развитого и пластичного головного мозга. В совокупности именно эти два важнейших фактора, геоклиматические изменения и наличие пластичного головного мозга, стали важнейшими предпосылками вначале возникновения, а затем и достаточно бурного эволюционного развития сознания. Подчеркнем, что результат возник только как следствие совокупности этих двух моментов. По отдельности каждого из них было бы недостаточно.

Как известно, мозг существ, «которые роют или бьют каменным рубилом, не отличается по своему строению и объему от мозга людей, которые будут впоследствии проектировать соборы и самолеты, осмысливать математические доказательства, вычислять орбиты планет и создавать тем самым сферу духовной и материальной культуры». Однако они находятся на несопоставимых ступенях психического развития. Таким образом, изменение комплекса геоклиматических условий и последовавшие за этим события привели к изменению мотивации. **Внешне заданные условия привели к атрофии уже не достаточных для адаптации инстинктов и развитию иных механизмов, переводивших данные условия**

во внутренний мотивационный план.

Этапы развития индивидуального сознания исследованы в науке достаточно подробно. **1. «Первая фаза, будучи чисто биологической, относится к эволюционной истории видов».** Она определяется совершенствованием и возрастающей ролью в поведении живых существ процессов научения и их результатов. Научение создает индивидуальную память, организует опыт, который, фиксируя апробированные способы поведения, дает дополнительные возможности выживания даже в новых условиях. Научение повышает надежность принятых решений в первоначально неопределенных, сложных и конфликтных ситуациях.

2. «Содержание памяти, накопленное в ходе научения, становится основой для развития мыслительных процессов. Начало этой фазы относится к переходному периоду от животного к человеку» (Клике, 1983). Если научение образует индивидуальную память, то мышление основывается на использовании сохраненного в памяти знания.

Уже простые поиски среди содержания памяти являются формой мышления. И так, научение основывается на данных восприятия, а мышление — на содержании памяти. Питаясь образами восприятия, память остается связанной с миром восприятия, а мыслительные процессы могут отрываться от реальности, приобретать абстрактный, собственно «рациональный» (в отличие от непосредственно-эмоционального) характер. **3. По Ф. Кликсу, это — итог третьей фазы развития человеческого сознания и интеллекта, которая относится к общественной истории и определяется функцией языка в мышлении и для мышления.**

А ведь совершенно очевидно, что до индивидуальной памяти существовала (и существует поныне, наряду с ней, в психике любого отдельного человека) память массовая, групповая, родовая и видовая.

После выделения человека из природного мира (а последний сам противопоставил себя человеку с изменением геоклиматических условий) вынужденно произош-

ло и выделение человека из животного мира. От синергического, почти синтонного сосуществования с природой, с другими животными видами, сменив растительную пищу на животную, обезьяночеловек типа А вступил с ним в жесткую конкурентную борьбу. Она укладывалась в логику межвидовой конкуренции до появления искусственных элементов — огня, первичных орудий труда и т. д. Но этот переход от чисто инстинктивного существования к еще не осознанному, полубессознательному, но уже в немалой части искусственному существованию не мог произойти без появления первичной «групповой психики». Ясно, что до выделения отдельного человека из массы себе подобных существовало массовое, групповое восприятие и массовые, групповые реакции. Существовала массовая, родовая и групповая (для удобства, будем говорить «стадная») память, причем даже на генетическом уровне. Существовал общий генофонд такой стадной массы, и он носил необходимо адаптивный характер — иначе, например, просто невозможно объяснить промискуитет, естественное кровосмешение в пещерных массах первобытных людей.

2. Индивидуализация деятельности

С австралопитеком «типа А» отчетливо связан более близкий для нас и уже сопоставимый в анализе неандерталец — тип древнего человека, обитавший по крайней мере 100 тысяч лет назад и уже достаточно приспособленный к послеледниковым тундрам юга Европы. Это были охотники, поражавшие добычу с помощью заранее изготовленных камней и дубин, выкапывавшие ямы и прикрывавшие их лис твой, а затем заманивавшие зверей в ловушки. Чтобы резать шкуры и отделять их от мяса, они изготавливали острые пластины из кремниевых ядрищ. Они могли не только сохранять огонь, но и разводить его. **Понятно, что их охота уже должна была быть групповой, с совместно организованной деятельностью — «кульминационным пунктом совместной жизни и одним из важнейших источников их чувства сопринадлежности».** Они уже **обладали первичными формами коммуникации.**

Судя по всем признакам, у неандертальцев появляется первичное «разделение труда», общая единая деятельность разлагается на отдельные действия, которые приобретают индивидуализированный характер.

До неандертальцев поведение первобытных обезьянолюдей носило совершенно стадный характер. Лишенное элементов индивидуализации и «разделения труда», оно было единообразно массовым.

Иллюстрируя это положение, Леонтьев проводил четкое различие между инстинктивной деятельностью не людей и уже не инстинктивной деятельностью первобытных людей. Понятно, что тот же охотник-неандерталец осуществлял свою деятельность, как и его лишенные зачатков сознания предки, ради удовлетворения одной из своих потребностей. То, на что направлены данные процессы его деятельности, следовательно, не совпадают с тем, что их побуждает...» (Леонтьев, 1972).

Это — принципиально важный момент. Действие отделяется от потребности.

«Первоначально люди вовсе не сознают своих отношений к коллективу. Появляется лишь начало сознания того, что человек вообще живет в обществе» (Леонтьев, 1972). «...Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт или же — что его инстинкт осознан» (Маркс, Энгельс, 1951-1984). Поскольку отношения отдельных участников коллективного труда к условиям и средствам производства остаются в общем одинаковыми, то мир одинаково отражается как в системе языковых значений, образующее: сознание данной общности, так и в сознании отдельных индивидов — в форме этих же значений. Леонтьев полагал, что это сознание еще долго остается нерасчлененным это сознание общности, а значит, массы. Такое массовое сознание связано с общностью единых значений и отсутствием индивидуальных, личностных смыслов, ко-

торые появляются значительно позже. Совпадение смыслов и значений со - ставляет главную особенность первобытного сознания. Распад этого совпадения лишь подготавливается внутри первобытнообщинного строя, но происходит лишь вместе с распадом этого строя. Таким образом, реально в жизни первобытных людей еще долго торжествует психология не индивидов, а масс.

3. Двойственная роль развития речи

Еще в середине XIX века известный натуралист Э. Геккель сформулировал главное отличие рода Homo в семействе Hominidae и его единственного вида Homo sapiens. Это главное диагностическое отличие — **«дар слова»**. **Б. Ф. Поршнев же считал, что дело обстоит еще более серьезно: слово способствует выделению человека из массы, но слово способно и вернуть человека в массу.**

С эволюционно-адаптационной точки зрения очевидно, что оптимальной формой коммуникации, оставляющей руки свободными для орудийных действий и эффективной для достаточно больших расстояний является акустическое модулирование потоков вдыхаемого и выдыхаемого воздуха. Неандертальцы, судя по всему, могли продуцировать лишь довольно грубые, гортанные звуки, состоявшие практически из одних согласных. В дальнейшем развитие языка шло совместно с развитием сознания. Однако слово играло двойную роль. **Слово способно вводить в транс, оказывать гипнотическое действие и полностью подчинять слушающего.** Согласно логике Б. Ф. Поршнева, так и происходило в первобытной массе: первоначально выделялся не самый сильный и не самый умный. **Выделялся тот, кто первым овладел способностью производить членораздельные звуки.** Эта способность завораживала других, заставляя их вначале подчиняться, а потом пытаться подражать. **На этом держались все первобытные магические ритуалы, колдовство и шаманство.** Это была суггестия в самом прямом и очищенном смысле слова. Кто-то один, сидя у костра в пещере, нараспев воспроизводил отдельные звуки, а все остальные, цепенея, слегка покачиваясь, пытались ему подражать, уже самостоятельно «включая» соответствующие внутренние механизмы собственной второй сигнальной системы. Такой вызванный звуком, а затем словом транс мог выливаться в ритуальный танец, мог возбуждать к войне или готовить к охоте. Весь обряд безусловно усиливал психологическую общность, создавал массообразное единство сознания и действия. Слово, будучи знаком, всегда было особой «прескрипцией». Л. С. Выготский утверждал, что знак в силу своей природы рассчитан на поведенческую реакцию, явную или скрытую, внутреннюю. Лишь с течением времени появилось и другое, противоположное действие слова — явление отрицательной индукции. Ее суть — в способности отдельного индивида противостоять психологии массы и попыткам массовизации, не поддаваться ни внушению, ни заражению и уклониться от подражания я, а также в появлении психически самоуправяемого индивида. Эта так называемая «воля», однако, представляет собой всего лишь внутреннюю речь («субвокальное говорение»). Освобождаясь от магии слова, обучаясь слову путем подражания, человек освобождался от действия чужого внушения, противопоставляя ему собственное сознание или, по крайней мере, самовнушение, а реально первую собственную мысль.

«Таким путем, — писал Б. Ф. Поршнев, — **можно расчленить экстероинструкцию и аутоинструкцию, иначе говоря, внушение и самовнушение, еще точнее, суггестию и контрсуггестию**» (Поршнев, 1974). Внушение есть проявление принудительной силы слова. Слова, произносимые одним человеком, неотвратимым, «роковым» образом предопределяют поведение другого, если только не наталкиваются на отрицательную индукцию, контрсуггестию. В чистом виде суггестия есть речь минус контрсуггестия. **Получается, что постепенная индивидуализация деятельности и развитие зачатков индивидуального сознания требовали появления какого-то нового регулятора деятельности и инструмента мас-**

совизации психики. Слишком поспешная индивидуализация не могла быть адаптивной — в итоге просто распалась бы необходимая для выживания общность и поодиночке первобытные люди вымерли бы, не оставив следа. Не исключено, что научные

дискуссии о том, куда же делись неандертальцы, как раз и связаны с тем, что эти первобытные люди забежали вперед на шкале психологической эволюции. Освободившись от инстинктов, индивидуализировав и специализировав деятельность, они овладели речью. Индивидуализация их сознания шла по пути образного мышления, что подтверждается сравнительным анализом черепно-мозгового устройства. Можно предположить, что им не хватило механизмов, тормозящих поспешную индивидуализацию и облегчающих новую массовизацию, уже не на инстинктивной, а на речевой основе. Поэтому неандертальцы исчезли почти бесследно, а спустя несколько десятков тысяч лет места их обитания занял кроманьонец — уже почти современный человек, обладавший речью и, что важнее всего, развитыми лобными долями мозга — по Поршневу, «органом внушаемости и торможения индивидуальности» 1. Это, в общем, совпадает с данными современной нейропсихологии, в соответствии с которыми именно лобные доли являются центрами программирования поведения.

«История человеческого общества насыщена множеством средств пресечения всех и всяческих проявлений контрсуггестии». Это принципиально важное для нас наблюдение означает только одно: склонность человека к индивидуализации сознания и деятельности всегда порождала механизмы сопротивления этому, т. е. все новые механизмы массовизации и сознания, и деятельности. Вырываясь из-под гнета инстинктов, первоплюды попадали в зависимость от образов. Вырываясь из под этой зависимости, они попадали во власть вербальной суггестии. Наконец, вырываясь из-под ее гнета через развитие индивидуальной контрсуггестии, они вновь сталкивались уже с новыми механизмами порабощения. В обобщенном виде Поршневу обозначает этот новый ряд феноменов понятием «контрконтрсуггестия». «Сюда принадлежат и физическое насилие, сбивающее эту психологическую броню, которой защищает себя индивид, и вера в земные и неземные авторитеты, и, с другой стороны, принуждение послушаться посредством неопровержимых фактов и логичных доказательств» (Поршнев, 1974). Собственно говоря, то же самое имел в виду и **З. Фрейд, размышляя об «искусственных массах», к которым в первую очередь относил армию («войско») с ее неизбежным насилием над индивидом, и церковь с приматом иррационального над рациональным. Как верно подметил тот же Б. Ф. Поршневу, доверие (вера) и суггестия — синонимы.** Добавим недостаточно развитые или вовсе отсутствовавшие тогда феномены пропаганды и средств массовой информации, и получим вполне современный набор механизмов контрконтрсуггестивной массовизации индивидуального сознания и поведения.

Человек развивал сознание, противопоставляя себя неживой природе (геоклиматические факторы) и выделяясь из нее. Он противопоставлял себя инстинктам, выделяясь из массы животного мира. Овладевая собственной внутренней речью, он выделялся из массы пещерного стада, противопоставляя себя и шаману, и колдуну, и тем, кто был заморожен ими. Как мог, изо всех сил индивидуализировавшийся человек боролся с постоянно преследовавшей его психологией масс. Итог этой многотысячелетней борьбы достаточно печален. Получается, он делал это для того, чтобы служить в армии, ходить в церковь, слушаться политиков и смотреть телевизор. Согласимся, что в психологическом смысле посещение партсобраний мало отличается от внимания гортанным звукам шамана у костра в пещере где-нибудь под Неандерталем, за миллион лет до нашей эры.

4. Психологическая эволюция в истории человечества

Вырвавшись из первоначально массообразного состояния, приобретаю основы инди-

видуальной психики, человек завоевал плацдарм для возможной дальнейшей борьбы. Однако борьба эта стала затяжной и продолжается до сих пор, причем с весьма переменным успехом. **Расставаясь с психологией масс, человечество периодически все равно оказывалось в ее власти.** В принципе, возникшее уже в конце первобытнообщинного строя разделение общества на элиту и массы сохраняется до сих пор. Понятно, что такое разделение в неявном виде включает социально-психологическое разделение людей на тех, кто обладает массовым сознанием, массовой психологией, и тех, чье сознание достаточно отделено от массы, т. е. индивидуализировано. Однако детали и, главное, динамика психологии масс в разные периоды истории человечества в сколько-нибудь целостном и последовательном виде практически никем не исследовалась.

4.1 Психология масс при рабовладении

Первобытнообщинный строй завершается становлением, по определению А. Н. Леонтьева, «простейшим внутренним строением сознания». **«Это простейшее внутреннее строение сознания характеризуется тем, что для человека смысл явлений действительности еще прямо совпадает с теми общественно выработанными и фиксированными в языке значениями, в форме которых эти явления осознаются».**

Далее следует

наиболее существенное: «Общая собственность ставила людей в одинаковые отношения к средствам и продуктам производства, и они одинаково отражались как в сознании отдельного человека, так и в сознании коллектива. Продукт общего труда имел общий смысл, например, "блага" и объективно-общественно — в жизни общины, и субъективно — для любого ее члена. Поэтому общественно выработанные языковые значения, кристаллизующие в себе объективно-общественный смысл явлений, могли служить непосредственно формой также и индивидуального сознания этих явлений» (Леонтьев, 1972).

Схематизируем сказанное ясно: нет частной собственности, нет индивидуального, «частного» сознания. Все слито, все единообразно и массово. Первая же частная собственность, по сути, появляется у людей на себе подобных, рассматриваемых в качестве средств производства. В результате рабовладельцы получают возможность развития индивидуального сознания (хотя бы в силу избавления от тягот грубого физического труда, перекладываемого на рабов), а у рабов укрепляется массовое сознание.

Однако, как полагал Б. Ф. Поршнев, парадокс заключается в том, что в глубинах первобытнообщинного строя человек был еще более поработанным, чем при рабовладельческом строе. Независимым и свободолюбивым он был только по отношению к внешним врагам. Внутри племени и рода действовали по подчинению и подражанию и не действовали непокорность и неповиновение. Поршнев утверждал, что корни рабской покорности возникли значительно раньше рабства. Это не принуждение, а добровольное подчинение, при котором не брезжит даже помысел или ощущение какого бы то ни было протеста.

В классическом виде рабовладение возникло как форма господства более исторически развитых общностей над менее развитыми. Более расчлененное и индивидуализированное сознание поработало более массовое. Главную основу рабовладельческого строя точно опре-

делил французский писатель XIV века Ла Бюсси: это «добровольное рабство», т. е. покорность, воспринимаемая как нечто совершенно естественное, следовательно, неощущаемое. От покорности природе, затем традициям и богам следует естественная покорность другим людям.

Лишь постепенно, в ходе последующих этапов развития человечества, изживается эта психология, и труд, продукты и блага начинают экспроприироваться все более принудительно. «Но еще в средневековых документах мы

встречаем курьезные на современный взгляд законы и предписания, ограничивающие право дарения, т. е. спонтанное раздаривание имущества. Вспомним, как русские купцы и предприниматели подчас с легкостью раздаривали и разбрасывали стремительно приобретенные богатства: за ними не стояли поколения предков, вырабатывавших психологию экономии (и, как мы увидим далее, психологию частной собственности) — Таким образом, **рабство возникает как психологически совершенно естественное продолжение первобытнообщинного строя. Затем, разумеется, оно обрастает необходимыми атрибутами, превращаясь в общественный и, главное, политический «строй».** Когда в людях начинает просыпаться нежелание безвозмездно отдавать плоды своего труда и сам труд (т. е. когда у них появляется осознание своей собственности), тогда их принуждают страхом и законом. Так возникает базовый психологический парадокс рабовладения. «Первыми рабами, с точки зрения психологической, были те, кто первыми стали сопротивляться привычному беспрекословному рабству. Ибо только их надо было ставить в специальное правовое положение рабов, заковывать в цепи, плетьюми и оружием принуждать к труду... Рабовладельческий строй возник тогда и там, когда и где люди стали пробовать разгибать спину. Их бросали обратно ниц, на землю, на колени. Их смиряли страхом. Да, рабы Древнего Рима были пронизаны страхом, но ведь господа тоже знали страх перед ними. Издавались законы, ковалось оружие, выдумывались боги и заповеди» (Поршнева, 1979). Таким образом, массовая психология была основой естественного, «природного» рабства. Ее расслоение вело к разделению массы на рабовладельцев, рабов, а также тех, кто боролся против своего рабства. В основе психологии первых лежало осознание идеи и прелести собственности. В основе психологии вторых — полное отсутствие такой идеи. Наконец, психология третьих основывалась на первых проявившихся проблесках идеи индивидуальной собственности — пока еще собственности на самого себя, на свое тело и уже затем на производимый этим телом труд. Появление такого психологического разделения стало причиной становления рабовладельческого строя как достаточно целостной системы господства — подчинения.

4.2 Психология масс при феодализме

Собственно говоря, психология масс при феодализме в своей основе мало отличается от рабской психологии. **Привычка, традиция, факт добровольного подчинения оформляются в сознании в идею «служения».** Пеоны служат сеньору, крепостные крестьяне — землевладельцу, вассалы — сюзерену, дворяне — государю. Старая французская формула гласила: «Духовенство служит королю молитвами, дворянство — шпагой, третье сословие — имуществом, крестьяне — своим физическим трудом». Феодальное общество заинтересовано в повиновении масс. Именно в это время в истории человечества достигают высокого уровня развития наиболее эффективные механизмы контр-контрсуггестии — церковь и армия. Однако при феодализме уже происходит расширение того социально-психологического «класса», который осознает смысл собственности и индивидуальной свободы. Так постепенно на основе психологических признаков формируются элиты общества.

Для элит главным является демассовизация сознания и психики. Это творцы, инноваторы, а не ритуалисты. **Они развивают и выделяют умственную деятельность в качестве особого вида труда.** Для масс же главным продолжало оставаться прежнее — подчинение, теперь в форме служения, освященного религией и вынуждаемого вооруженной силой, армией и полицией. По мере развития феодализма эти механизмы массовизации психики совершенствовались, приобретали статус соответствующих институтов, обогащались новыми методами. Обратим особое внимание на **борьбу со**

«свободомыслеи» — на кострах инквизиции сжигались и люди, и книги. Шла жесткая борьба с самими возможностями индивидуализации массового сознания. И долгое время она шла достаточно успешно. Постепенно, однако, дело стало приходиться к естественному результату. Слишком жесткая борьба с индивидуализацией не только не сохраняет психологию масс в первоначальном виде, а напротив, реактивно вызывает ее ускоренное расслоение. Слишком сильная суггестия или, в данную эпоху, уже

контр-контрсуггестия вызывают сопротивление. Начинается новый виток индивидуализации, которая, впрочем, также быстро становится массовой, и порождает новые суггестивные механизмы своего сохранения. Собственно, именно на этом психологически и основан прогресс в развитии человечества.

Как известно, Ф. Энгельс различал «три формы рабства»: античное рабство, средневековое крепостничество и капиталистический наемный труд. В. И. Ленин подразделял три типа рабской психологии: раб, не осознающий своего рабского положения, есть просто раб; раб, довольный своим рабством, — лакей, и раб, бунтующий против своего рабского положения, — уже революционер. Однако и три типа рабства по Ф. Энгельсу, и три психологических типа раба по В. И. Ленину — это, в конечном счете, этапы преодоления массовой психологии рабства в социально-психологической истории человечества.

Конец феодализма характеризуется серьезным ослаблением влияния прежних элит на массы, истощением этих элит и появлением новой массовой психологии. Во семнадцатый век считается переломным в истории нашего времени вообще и феодализма в частности. Феодальные абсолютные монархии достигли предела своего развития — соответственно, предела в угнетении масс. Все столетие, а особенно вторая его половина, отмечено крестьянскими восстаниями, плебейскими мятежами, национально-освободительными войнами. Резко меняется характер производства: оно начинает приобретать более эффективный характер, связанный с внедрением машин. «Главной силой, расшатывавшей и ослаблявшей феодально-абсолютистский строй, были народные массы. Уже в XVII и XVIII столетиях Францию потрясли мощные народные восстания.

Один из лучших историков этого времени писал: «Новые идеи и взгляды, обладавшие огромной силой революционизирующего воздействия, все шире и глубже проникали в сознание масс. Средневековая схоластика, обветшалые представления о божественной природе власти, устаревшие правовые нормы. Догматы церкви, мораль, нравы феодального общества — все было подвергнуто осмеянию, дискредитировано, разоблачено» (Манфред, 1983). Действие прежних контр-контрсуггестивных механизмов ослабевало, верх брала контрсуггестия. Массы раскрепощались. Прежде всего это были буржуазные массы — их ранее зависимое сознание освобождали собственная предприимчивость, деньги и все та же собственность.

Однако здесь мы сталкиваемся с очередным социально-психологическим парадоксом. Значительные усилия, направленные, казалось бы, на развитие индивидуального сознания, парадоксальным образом лишь создавали новую массу — борцов против феодализма, сторонников капитализма и буржуазной революции.

4.3 Психология масс при капитализме

Этот раздел данной темы можно считать одним из наиболее разработанных. Здесь уже все достаточно понятно. Развитие массового машинного производства порождает очередной виток массовизации психики. Машинное производство превращается в особый, не только вербально-психологический, но и реально-жизненный суггестивный фактор. Постепенно появляется тип «механического человека» с достаточно роботообразным поведением. Вместе с тем, появляется «частичный работник», жертва

феномена отчуждения, у которого смысл трудовой деятельности (заработок) отделен от ее объективного значения (создание некоторого продукта). С одной стороны, так накапливаются предпосылки для «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет). С другой стороны, так же возникает и совершенно специфичное явление — «одинокая толпа» (Д. Рисмен).

За счет этого возникает очередная крайне парадоксальная ситуация во взаимоотношениях индивидуальной и массовой психологии. С одной стороны, за счет действия феномена отчуждения человек активно индивидуализируется. За счет дальнейшей дифференциации человеческой деятельности, совершенствования разделения труда, интенсивного развития процессов обмена и возрастания функции денег он окончательно, по сравнению с феодализмом, отрывается от продукта своего труда.

Таким образом, феномен отчуждения приобретает еще и иной, не менее важный смысл: происходит не только отчуждение наемного работника от продукта его труда,

но и отчуждение самого наемного труда от остальной жизни человека. Массы наемных работников образуют целые общности, классы и социальные слои, противостоящие также достаточно массовой общности — классу буржуазии.

За счет всего этого развивается и совершенствуется строение сознания человека.

Последнее же характеризуется тем, каково отношение объективных значений к личностному смыслу трудовых действий для работника. Смысл же зависит от мотива. С одной стороны, у массового работника наконец появляется частная жизнь и даже частная (скорее, все-таки личная) собственность (хотя и ограниченная, однако уже включающая право личной собственности на свою, личную рабочую силу). Это определяет внешнее многообразие мотивов. С другой стороны, сами условия трудовой жизни диктуют необходимость не индивидуализации, а консолидации и обобщения требований к собственникам средств производства. Это сужает реальную мотивационную сферу, сводя необходимость реализации возникающих потребностей к главному и часто единственному — обеспечению заработка.

Положение человека существенно усложняется. Если на первоначальных этапах своего развития он имел труд как естественный способ решения всех своих проблем, то теперь, даже получая право личной собственности на свою рабочую силу, он вынужден бороться за право на труд. И тогда его психика может обретать совершенно извращенные формы.

Критика капитализма, однако, не является нашей задачей. Она состоит в ином — в объективном понимании того, что такое искаженное, дезинтегрированное сознание наемного работника при капитализме, в силу массового характера машинного производства на первоначальном этапе его развития неизбежно становилось достаточно массовым, хотя эта объективная массовость маскировалась субъективной дезинтегрированностью этого сознания. Отсюда становятся понятными, как минимум, две принципиально важные вещи. **Во-первых, исчезновение психологии масс как таковой в западных исследованиях, уже практически с самого начала XX века. Идеология прав**

человека-индивида, вытекающая из тенденции к индивидуализации жизни, противостоящая тенденциям массовизации. Отсюда и возникал образ «одинокой толпы» как артефакта жизни капиталистического общества. Фактически тот же самый Д. Рисмен представлял объективно существующую массу людей как случайную толпу людей с дезинтегрированным сознанием.

С этим же было связано и рассмотрение даже очевидных случаев массового поведения как фактов поведения стихийного, неуправляемого, аномального и нетипичного. Толпа, паника, восстания и революции рассматривались как досадные случайно -

сти, нарушающие нормальный, нормативный ход развития событий. В лучшем случае они трактовались как некоторые «всплески архетипического поведения», в худшем — как проявления «массовых помешательств».

Гипертрофия роли человека -индиви-

да сменилась вниманием к роли коллективных сообществ и психологии трудящихся масс, что особенно прослеживается в развитии европейского капитализма.

4.4 Психология масс при социализме

Социализм в своих наиболее известных социально-политических формах (советский социализм и его производные) изначально и совершенно откровенно определял себя как **массовую формацию**, основанную на психологии масс и подчиненную ей. Мобилизация протестной дезинтеграционной активности масс была необходима лидерам социализма для свержения индивидуализировавшего человека капиталистического общества. На первоначальном этапе развитие идей социализма и было возможно только как реакция на поспешную индивидуализацию, как своего рода «откат» в прошлое, в котором не существовало отчуждения, а психика носила не дезинтегрированный, а целостный характер. Собственно, это и было возможно только на начальном этапе — позднее капитализм смягчил дезинтеграцию, и успехи социализма стали значительно менее заметными. Со временем, извлекая исторические уроки, капитализм даже позаимствовал понятие «социализм», имея в виду мягкие, неантагонистические формы капиталистического развития («социал-демократия»). Для классического же социализма был оставлен термин «коммунизм». Обратим внимание на то, что этот термин почти буквально, имея в виду «первобытный коммунизм», отражал **массовую психологическую реакцию на капиталистическую индивидуализацию психики**. Ликвидация собственности, деприватизация как коммунизация, обобществление всего, чего можно — таковы были формы подобной социально-психологической реакции. В качестве конечной цели провозглашалась ликвидация всех противоречий, создание гармоничного общества и всестороннее развитие личности в коллективе, для коллектива и через коллектив, т. е., по сути, в массе, для массы и посредством воздействия массы.

Позднее выяснилось, правда, что полный возврат к первобытно-гармоничному, недифференцированному труду возможен только в условиях труда рабско-принудительного (советский ГУЛАГ) или же рабско-суггестивного («трудовой энтузиазм» во имя коммунистической идеи). Таким образом, об идеалах приходилось постепенно забывать, реально же происходил возврат не только к исторически устаревшим целям, но и к старым формам контр-контрсуггестивной обработки психики от дельных людей для ускоренного превращения ее в массовую. Так постепенно складывался социалистический (коммунистический) тоталитаризм как полное торжество психологии масс под направляющим и руководящим влиянием правящей элиты.

Основной механизм консолидации общества при социализме (коммунизме) основан на действии феномена контр-контрсуггестии, связанного с массивированной идеологической обработкой населения и строительством особой квазирелигии.

Особенности наиболее исторически успешного и длительного российского социализма были связаны с тем, что психология основных, крестьянских масс населения находилась в основном на докапиталистическом уровне развития.

5. Психология масс в социально-психологической перспективе

На основе проведенного анализа можно сделать следующий главный вывод. Психология масс не есть пройденный и отброшенный этап в развитии человечества. Это определенный «этаж» в сложном «здании» человеческого сознания. Он никуда не исчезает, — просто над ним надстраиваются новые этажи, постепенно меняя общий вид постройки. Однако для того чтобы строение было устойчивым, необходим баланс

между его внешним видом и фундаментом. Многоэтажное здание не устоит на кротком фундаменте: либо треснет фундамент, либо обрушатся верхние этажи. Собственно говоря, это и есть два возможных варианта перспектив развития психологии масс. Либо она расколется, раздробится на отдельные составляющие (групповое, корпоративное, наконец, чисто индивидуальное сознание), либо наступит естественный предел в индивидуализации сознания.

Первый вариант опасен разрушением целостности самой человеческой деятельности. В конечном счете, всеобщая индивидуализация в социально-психологическом смысле действительно может обернуться дезинтеграцией сознания, а в социальном смысле — торжеством непродуктивной анархии. Второй вариант — периодические всплески неосоциалистических идей, массовых беспорядков и, в конечном счете, возникновение новых вариантов тоталитаризма. Хочется верить, однако, что оба эти полярные варианта — лишь теоретически возможные конструкции. Реальная жизнь дает возможность предполагать развитие более мягких, промежуточных вариантов. Их суть будет состоять в такой постепенной перестройке «фундамента» массовой психологии, которая даст возможность постепенно надстраивать все новые этажи индивидуализации. Базовый вариант — такая взаимная перестройка глубинных основ психики и ее новейших социальных приобретений, которая позволит удерживать их равновесие и соблюдать баланс в их развитии. Многие тенденции развития разных сфер жизни последнего времени позволяют оценивать такой вариант как достаточно реальный.

Рассмотрим только один принципиально важный фактор развития конца второго — начала третьего тысячелетия современной истории человечества — информационно-компьютерную революцию. Появление персонального компьютера создает особый тип работника, который может наниматься на работу со своим средством производства — с тем же самым компьютером. Он оказывается одновременно и наемным работником, и собственником средства производства. Более того, технологический прогресс делает такие средства производства доступными самым широким массам. Наличие же персонального компьютера в совокупности с современными коммуникационными средствами делает широко доступными гигантские информационные массивы. Это открывает огромные возможности для творческой деятельности человека. Не случайно все большую долю в экономике развитых стран занимает информационно-технологическая продукция. Тем самым меняется характер всей человеческой деятельности. Исчезает реальная основа для усиления психологии масс.

Однако это процесс успешно идет только в развитых странах.

Современный характер человеческой деятельности включает в себя новые факторы как дальнейшей индивидуализации, так и новой массовизации человеческой психики. С одной стороны, появление всемирной компьютерной сети вроде бы усиливает индивидуальный характер деятельности сидящего перед компьютером человека, а современное телевидение предоставляет колоссальные объемы информации для развития индивидуального сознания. С другой стороны, тот же Интернет по своим возможностям превращается в уникальное средство супермассовой информации, а массовый характер большинства телепрограмм способствует выработке единых, массовых реакций населения. В конечном счете, развиваются как те, так и иные процессы. В стратегической перспективе развитие будет происходить в их диалектическом взаимодействии. Хотя, безусловно, неравномерность в развитии разных стран и народов с различными уклонами, в сторону индивидуализации или массовизации, на обозримое время практически наверняка сохранится.